А. П. Сальков

ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ И НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ЧЕХОСЛОВАЦКО-ВЕНГЕРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (ноябрь 1918 г. — март 1939 г.)

Истоки словацко-венгерского национально-территориального спора, остро проявившегося в первой половине XX в., уходят в глубокую историю, причем — в общую историю двух народов. Предки словаков проживали в Среднем Подунавье еще с VI в. После бурных событий конца IX — начала X в., связанных с приходом в регион мадьярских племен и распадом Великой Моравии, граница между мадьярской и словацкой этническими территориями установилась к концу XI в. Однако вся территория современной Словакии входила во владения сначала мадьярского союза племен, а с XI в. — в состав Венгерского королевства, где находилась до 1918 г.

Исторические корни словацко-венгерского конфликта. Историческое развитие словаков отличалось полным отсутствием собственной государственности. В составе Венгрии Словакия (в отличие от Хорватии) не являлась территориально-политической автономией. Она состояла из ряда комитатов (жуп) королевства, обычно совокупно называемых Северной (Верхней) Венгрией. Сам термин «словак» появился только в XV в., да и то как этникон (в чешской среде), после чего был воспринят самими словаками, став этнонимом. Словацкое самосознание существовало и до этого, но в более общей форме — как славянское («слованское»), противостоящее мадьярскому. Словацкое общество изначально формировалось как общество с неполной социальной структурой, в котором фактически отсутствовала национальная властная и имущественная элита. Земли же, компактно заселенные словаками, чересполосно перемежались с венгерскими анклавами. После татарского нашествия (1241—1242 гг.) в край начали переселяться немецкие колонисты (госпиты), которые заложили на протяжении XIII—XIV вв. на обескровленной территории Словакии ряд городов. Немецкий (верхушка социума) и словацкий (средние и низшие слои) этносы составляли в них единый социальный организм, сохраняя лишь этническую дифференциацию. Однако уже в XV в. начинается процесс словакизации городов. В XIV—XV вв. словацкие земли становятся экономическим центром Венгерского королевства, так как в их недрах находились огромные — в общеевропейских масштабах — залежи золота, серебра, меди, железной руды [1, с. 79—80, 101—104].

После судьбоносного поражения венгерской армии от османов при Мохаче (1526) страна была разделена на три части: Центральная Венгрия под властью турок, автономное княже-

* Статья выполнена в рамках Государственной программы научных исследований на 2011—2015 гг. «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии» (ГПНИ «История, культура, общество, государство»).

Сальков Анатолий Петрович — заведующий кафедрой истории южных и западных славян Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

ство Трансильвания, «королевская» Венгрия во главе с австрийской ветвью Габсбургов в качестве избираемых королей [2, с. 68—73]. Ядро «королевской» Венгрии составили словацкие земли (20 комитатов из 30). Братислава (Пожонь, Прессбург) стала столицей Венгрии (с 1536), местом пребывания наместничества (1542—1724), служила коронационным городом венгерских правителей (с 1563), местом созыва венгерских сеймов. Трнава (Надьсомбат) была резиденцией архиепископа эстергомского — главы венгерского католического клира (1543—1820), Кошице (Кашша) — эгерского епископа (с 1596). Другие словацкие города — Бардеев (Бартфа), Спиш (Сепеш), Левоча (Лече), Банска Штявница (Шелмецбаня) превратились в главные центры культуры и образования в королевстве. В усеченном Венгерском королевстве этнические словаки стали доминирующим элементом. Населенная ими территория сложилась как общепризнанная, обособленная целостность. Поэтому со второй половины XVI в. понятие «Словакия» вполне вошло в употребление. При этом следует иметь в виду, что венгерский народ не совпадал в представлениях того времени с венгерской нацией, состоявшей только из дворян и являвшейся носительницей политических прав. Термин «венгерский» в данном случае означал не членство в венгерской этнической группе, а принадлежность к привилегированному социальному слою, этнические различия внутри которого не имели значения [1, с. 150—152, 187—188].

На протяжении XVI—XVII вв. под воздействием вторжения османов в Венгрию и ее распада на три части, Реформации и Контрреформации, войн за венгерскую корону и пяти антигабсбургских восстаний венгерских сословий этническая структура населения во всей Венгрии, но в особенности в Словакии, изменилась коренным образом. Уже во второй половине XVI в. — под давлением стихийной венгерской иммиграции в более безопасные словацкие комитаты — словацко-венгерская этническая граница сместилась на север. Словацкие города Кошице, Нитра, окрестности Трнавы были мадьяризированы [1, с. 186—186]. В 1687 г. венгерские сословия согласились с превращением королевства Венгрия в наследственное владение Габсбургов. Так Словакия (в составе «королевской» Венгрии) была окончательно закреплена в рамках Дунайской империи, интегрировавшей в начале XVIII в. в своих границах все венгерские территории — и Центральную Венгрию, и Трансильванию [3].

После освобождения от османов Среднего Подунавья, начиная с 20-х гг. XVIII в., развился обратный процесс миграции из перенаселенных словацких земель на юг — в Венгрию. Он носил организованный характер, так как помещики при поддержке государства стремились заселить свои новообретенные владения. Вследствие миграции словацкого населения, получавшего право на протестантское вероисповедание, в Южной Венгрии возникли многочисленные, а местами и компактные словацкие поселения [1, с. 208—209]. Таким образом, венгеро-словацкая этно-территориальная контактная зона стала отличаться непомерной шириной и глубокой взаимной диффузией, являясь при этом миграционным полем ряда соседних народов.

На протяжении XIX в. словаки, как носители этнического сознания, прошли путь от этнической народности к современной нации. Словацкое национальное движение решало такие фундаментальные задачи, как проблема литературного языка, исторической традиции, конфессиональной разобщенности, принадлежности к славянской группе народов. Вместе с тем даже в начале XX в., отстаивая свою национальную идентичность, словаки выступали не против Венгерского государства, которое рассматривали как свое собственное, а лишь за равноправное положение в нем наряду с другими немадьярскими народами [4, с. 37—38]. Поэтому осмысление своих этнических границ в полиэтничной среде Транслейтании (венгерской части Австро-Венгерской империи, дуализированной в 1867 г.) не было актуальным. Положение усугублялось политикой жесткой мадьяризации, достигшей своего пика в годы Первой мировой войны. Словацкие политики, занявшие с началом войны тактику пассивности, только в мае 1918 г. перешли к активным действиям, решая вопрос «пойдем ли мы дальше с мадья-

рами либо с чехами». Декларация словацкого народа, принятая в Турчанском Св. Мартине 30 октября 1918 г., заявила о разрыве тысячелетнего союза с Венгрией и санкционировала новый союз с чешским народом [4, с. 80—81, 89—90]. Обстановка осложнялась тем, что новое венгерское правительство на основе заключенного им с Францией 13 ноября Белградского перемирия отказывалось признать выход словацких земель из состава Венгрии (лишь к концу месяца по указке из Парижа венгерская администрация в Словакии была разогнана). В свою очередь, провозглашенная в Прешове (Эперьеше) 16 ноября Словацкая народная республика сделала 11 декабря 1918 г. заявление о желании Восточной Словакии остаться в составе Венгрии. В Западной Словакии в Жилине (Жолне) действовало назначенное Прагой временное правительство по делам Словакии, перебравшееся 31 декабря в Братиславу (так Словакия впервые в своей истории заимела собственную столицу). Чехословацкие войска к концу января 1919 г. повсюду в Словакии оттеснили венгерские части на юг, за демаркационную линию, установленную в декабре 1918 г. Антантой [4, с. 96—98].

Проблема национальных меньшинств в чехословацко-венгерских отношениях (1919 — март 1938 г.). На Парижской мирной конференции (январь 1919 — январь 1920 г.), имевшей задачу установить новые границы в Европе, была создана Комиссия по чехословацким делам во главе с французским дипломатом П. Камбоном, а также Подкомиссия по вопросам границ под руководством французского генерала Ле Ронда. После десяти заседаний комиссии и семи — подкомиссии Верховный совет конференции заявил о поддержке в целом территориальных претензий ЧСР [5, с. 94, 101]. Особенно трудно для Праги решался вопрос об удовлетворении претензий на Житный остров (Челлокёз). Это был крупнейший речной остров Европы, образованный Дунаем, его рукавом Малым Дунаем и устьем Вага. Регион отличался особо благоприятными условиями для хозяйственной деятельности и значительным венгерским населением [6, s. 169—172]. Вопреки ожиданиям министра иностранных дел ЧСР Э. Бенеша и США, и Великобритания, и Италия считали, что он должен оставаться частью Венгрии. Только французские представители предлагали передать Житный остров Чехословакии, но их голос оказался наиболее весомым [7, str. 118].

10 сентября 1919 г. в Сен-Жермен-ан-Ле были подписаны два мирных договора — с Австрией и Чехословакией. В них содержался отказ Австрии в пользу Чехословакии от прав на ряд территорий бывшей Австро-Венгрии. Однако определение конкретной линии чехословацко-венгерской границы (представленной словацко-венгерским участком) вызвало большие затруднения и вышло за рамки конференции. Это объяснялось рядом обстоятельств: противоречивостью позиции Праги, которая аргументировала чешские границы историческим правом, а словацкие — естественным; прохождением границы по территории со смешанным населением; восприятием великими державами Чехословакии как союзного, а Венгрии — как враждебного государства (к тому же имевшего грех большевизма — Венгерскую советскую республику 1919 г.) [4, с. 100—103]. Чехословакии в итоге удалось добиться почти всех своих требований, за исключением Бургенландского коридора, принадлежавшего ранее Венгерскому королевству, и земель лужицких сербов.

По Трианонскому мирному договору с Венгрией, заключенному 4 июня 1920 г., Чехословакия получила (как было принято считать в НКИД СССР) 18,9 % территории «исторической Венгрии» (61, 5 тыс. км кв. словацких и закарпатских земель) и 16,8 % ее населения (3520 тыс. чел.). Договор впервые официально вычленил Словакию и Подкарпатскую Русь из состава Венгрии и определил их границы [8, л. 30, 38]. Новейшие уточненные данные говорят о получении Чехословакией 61 633 км кв. с населением 3 517 568 чел. (из которых 30,3 % являлись венграми), что составляло соответственно 21,8 и 19,3 % территории и населения «исторической Венгрии» [7, s. 220].

Важно отметить, что при определении государственных границ Чехословакии было допущено пренебрежение этническими принципами и проигнорированы реально сложившиеся

вековые этнические границы. При этом на словах весь версальский передел политической карты Европы осуществлялся именно под лозунгом установления этнической справедливости. Так, на землях, отошедших к Чехословакии, по австро-венгерской переписи 1910 г. насчитывалось 1418 тыс. венгров. Однако по чехословацкой переписи 1921 г. в границах нового государства их осталось 745,4 тыс. (5,6 % населения всей страны), по переписи 1930 г. — 597,0 тыс. (4,2 %). Будапешт же в межвоенный период, как правило, говорил о мадьярской общине численностью около 1 млн чел. Венгры почти целиком проживали в Словакии и Подкарпатской Руси, где их доля в общей массе населения была в несколько раз выше. По чехословацкой переписи 1930 г. 17,8 % жителей Словакии признавали себя венграми. (Говорить о точном количестве венгерского населения в этих двух регионах затруднительно, так как и Словакия, и Подкарпатская Русь в первые четыре десятилетия XX в. стали ареной самоидентификации словаков и русин, а также проведения нескольких разнонаправленных ассимиляционных кампаний [1, с. 301—302; 4, с. 103].) Все эти обстоятельства были в числе предпосылок выраженного венгерского ревизионизма и реваншистской внешней политики Будапешта, направленной в межвоенный период в том числе и против Чехословакии.

Данные тенденции успешно сдерживались Малой Антантой, объединившей в 1921 г. Чехословакию, Румынию, Королевство СХС. Однако венгерский ревизионизм упорно искал союзников. Будапешт заручился поддержкой вначале Италии (попытки Рима создать в 1927 г. блок католических стран в Центральной Европе; подписание в 1934 г. Италией, Австрией и Венгрией Римских протоколов), а затем и Германии (обсуждение в ноябре 1937 г. германо-венгерской координации действий по пересмотру чехословацко-венгерской границы как приоритетного направления венгерского ревизионизма).

Необходимо отметить, что, выдвигая ревизионистскую программу в качестве стратегической цели, Венгрия была весьма осмотрительна при решении конкретных тактических задач. Правитель (регент) Венгрии Миклош Хорти в октябре 1932 г. назначает министра обороны Дюлу Гёмбёши, отличавшегося идейной близостью с Муссолини и Гитлером, премьер-министром. Гёмбёши, прорвав дипломатическую блокаду Гитлера, первым из иностранных государственных деятелей встречается с ним в июне 1933 г. При этом венгерский премьер-министр выступал за нормализацию советско-венгерских отношений с целью продвижения венгерских товаров на советский рынок. Он убедил в этом Хорти, и 6 февраля 1934 г. Венгрия первой из стран ЦЮВЕ установила с СССР дипломатические отношения [9, с. 184].

Чехословацко-венгерские противоречия в Южной Словакии (Верхней Венгрии), где компактно проживало большинство «словацких» мадьяр, осложнялись включенностью данного конфликта в центрально-европейский исторический узел национально-территориальных противоречий. Он охватывал ряд сопредельных конфликтов: чехословацко-польский в Тешенской Силезии, венгеро-австрийский в Бургенланде, чехословацко-венгерский в Подкарпатской Руси, чешско-немецкий в Судетской Богемии. Причем последний во многом диктовал обстановку во всем регионе [подробнее см. 10].

Фашистская Германия все активнее выступала не только за ревизию Версальского договора и восстановление своих довоенных границ, но и за захват других территорий. После плебисцита-фарса в Саарской области, находившейся под контролем Лиги Наций, Германия в марте 1935 г. включила ее в свой состав. В марте 1936 г. Берлин осуществил ремилитаризацию Рейнской области. Чехословацкий посланник в Венгрии Милош Кобр, комментируя события на левобережье Рейна, несколько экзальтированно сообщал из Будапешта: «за развитием событий здесь наблюдают с затаенным дыханием», считают, что для венгров «настал судьбоносный момент» для постепенной ликвидации условий Трианона. Хотя в Будапеште, конечно, осознавали, что Берлин, сражаясь за ревизию Версальского договора, всеми средствами поддержит венгерские попытки ревизии Трианонского договора [11, dok. č. 110, s. 243—244].

М. Хорти долгое время уклонялся от личного контакта с Гитлером, но в июле 1936 г. принял его приглашение поохотиться в Берхстенгадене под Зальцбургом. Готовясь к столь, казалось бы, неполитической встрече, он разработал памятную записку, в которой выразил свою позицию: «Мы не стремимся к войне, ибо осознаем ее последствия. Проигранная война смела бы Венгрию с политической карты мира». Записку предполагалось использовать на тот случай, если Гитлер предложит Венгрии участие в войне с целью возврата населенных венграми территорий. Поэтому, когда на охоте проблема все же была затронута, Хорти воздержался от обсуждения вопроса о возможных в будущем совместных силовых акциях против Чехословакии, а также Румынии [9, с. 185, 187]. Тем не менее в августе 1936 г. Кобр сообщал после встречи с министром иностранных дел Венгрии Калманом Каня о начавшемся германо-венгерском сотрудничестве в сфере чехословацкой миноритарной политики. Речь шла о стремлении добиваться одинаковых прав для венгеров в Словакии и Подкарпатской Руси, а также для немцев в Чехии [11, dok. č. 325, s. 620]. К этому времени завершился важный этап сближения Берлина и Рима — в октябре 1936 г. был подписан Берлинский протокол о сотрудничестве Германии и Италии. Кстати, именно Д. Гёмбёши первым употребил термин «державы оси», воплотившийся в понятие «ось Берлин — Рим».

Советская дипломатия в 1930-х гг. была активным, хотя и не самым влиятельным игроком в регионе. Действие советско-чехословацкого договора о взаимной помощи от 16 мая 1935 г., который содержал в зародыше столь желанную для советской внешней политики, но так и не реализованную систему европейской коллективной безопасности, было затруднено двумя обстоятельствами. Во-первых, оговоркой о том, что договорные обязательства о взаимной помощи будут действовать лишь при условии, если «помощь стороне — жертве нападения будет оказана со стороны Франции» [12, док. 223, с. 336]. А во-вторых, отсутствием общей границы. Это вынуждало бы СССР в случае серьезного кризиса просить у Польши или Румынии разрешения на проход войск. Что, в свою очередь, исключалось неизменной антисоветской политикой этих государств, выразившейся еще в польско-румынском договоре от 3 марта 1921 г. Он был заключен на пять лет с целью удержания в своих руках соответственно западных районов Беларуси и Украины, а также Бессарабии, а позже трижды пролонгировался на очередные пять лет. Тем не менее при обсуждении в феврале 1937 г. советско-французского военного сотрудничества Генштаб СССР сообщил французскому правительству, что в случае согласия Польши и Румынии на проход советских войск Советский Союз предоставит помощь Чехословакии всеми видами войск, в случае их несогласия — только военно-воздушными силами [13, примеч. 87, с. 397].

На двустороннем уровне Венгрия на протяжении 1937 г. вела с Чехословакией переговоры по проблеме мадьярского меньшинства, но они не давали конкретных результатов. Ситуация осложнялась намерениями Венгрии отказаться от соблюдения военных ограничений Трианонского договора. Министр иностранных дел Чехословакии Камил Крофта, судя по его инструкции от 3 мая, сделал важный вывод. Он осознал, что Будапешт, даже и пойдя на такой шаг, «не боится отказа со стороны Малой Антанты от соблюдения договоренностей по охране меньшинств, на что Венгрия может ответить отказом соблюдать Трианон целиком». В качестве ответной меры Крофта допускал ликвидацию смешанных третейских судов, занимавшихся жалобами национальных меньшинств, и ремилитаризацию братиславского плацдарма [14, dok. č. 165, s. 347—348]. В августе 1937 г. венгерская сторона настойчиво указывала на 80 тыс. венгров в Чехословакии, которым без каких-либо причин отказано в получении гражданства [15, dok. č. 353, s. 62]. Прага в свою очередь выдвигала принцип взаимности: «венгры должны дать своим меньшинствам де-юре и де-факто те же права, которые они желают для венгров за границей» [15, dok. č. 357, s. 69].

В тревожной политической обстановке накануне аншлюса Австрии в Праге находился 5—7 марта 1938 г. бывший министр иностранных дел Венгрии Густав Грац (осталось невыяс-

ненным, по личной инициативе или по поручению официального Будапешта), который имел беседы с президентом Эдвардом Бенешем и премьер-министром Миланом Годжей (первый словак на столь высоком посту). Грац видел почву для сближения двух стран лишь в территориальных уступках Праги, что было отклонено чехословацкими лидерами [16, с. 69—70]. Примечательно, что в пропагандистской подготовке поглощения Австрии Германией наряду с прочими использовались и «советские» сюжеты. Берлинские газеты 11 марта были полны нападок на австрийского канцлера Курта Шушнига (он еще в конце февраля понял, что «дело дошло до предела и что дальше уступки делать невозможно»), писали о «большевистском хаосе» в стране и даже о «союзе Шушниг — Сталин» [17, док. 58, с. 96; док. 74, с. 122].

Подходы к решению «чехословацкого вопроса» в период от аншлюса Австрии до Мюнхена (март — сентябрь 1938 г.). Аншлюс Австрии, которая 13 марта была объявлена землей Германской империи, резко осложнил стратегическое положение Чехословакии. По мнению ее посланника в СССР Зденека Фирлингера, высказанному на встрече с заместителем наркома иностранных дел В. П. Потемкиным, Германия «может теперь давить на Чехословакию и со стороны австрийской границы», а также начнет снабжать Венгрию оружием, чтобы «и с этой стороны производить нажим...» [18, док. 2, с. 15]. Аншлюс (запрещенный ст. 88 Сен-Жерменского договора) и оккупация страны Германией получили в интервью наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова представителям печати от 17 марта 1938 г. резкую оценку как военное вторжение и насильственное лишение австрийского народа его независимости. Было высказано понимание того, что созданная «пока угроза территориальной неприкосновенности» малых народов региона приведет к их неизбежному порабощению, а это обусловит «предпосылки для нажима и даже для нападения и на крупные государства» [17, док. 82, с. 128—129].

Официальная точка зрения на аншлюс со стороны Венгрии, не выразившей даже формального протеста по случаю ликвидации своего партнера по Римским протоколам, была доведена 15 марта до сведения чехословацкого посланника в Венгрии М. Кобра. Она сводилась к одобрительной фразе: «...аншлюс решил один из самых трудных вопросов, отягощавших Европу» [19, dok. č. 114, s. 202].

После поглощения Австрии переговоры о перспективах решения «чехословацкого вопроса» стали проводиться в апреле — мае 1938 г. в трехстороннем германо-польско-венгерском формате. На них поднималась тема даже о возможности согласованного раздела Чехословакии на сферы влияния [20, док. 248, с. 351]. Будапешт отстаивал милый Варшаве принцип исторических границ. В случае же вынужденного применения этнического принципа намеревался использовать карты, составленные на основе австро-венгерской переписи 1910 г. [21, док. 26, с. 93]. Вместе с тем рейхсканцлер Германии А. Гитлер явно завлекал в начале апреля 1938 г. венгерское руководство своими высказываниями, что вся чехословацкая территория, «раньше бывшая венгерской, должна снова отойти к Венгрии, даже Прессбург» [22, док. 12, с. 51].

Параллельно венгерский МИД затеял в апреле дипломатическую игру с целью внести раскол в ряды Малой Антанты. Для этого использовалось якобы высказанное Прагой согласие разработать статус своих меньшинств с помощью международных переговоров, что вызвало резкую отповедь К. Крофты, считавшего эту проблему внутренним делом страны [19, dok. č. 226—227, s. 362—363; dok. č. 232—233, s. 366—367]. В начале мая 1938 г. в румынском городе Синае проходило XX совещание Постоянного совета Малой Антанты, где обсуждался механизм возможного урегулирования проблемы меньшинств. Германские и венгерские идеи подписания двусторонних соглашений были отвергнуты как опасный прецедент для блока. Крофта 8 мая сделал вывод, что попытка Венгрии разбить Малую Антанту подписанием отдельного договора с Чехословакией о статусе ее венгерского и немецкого меньшинства не удалась [19, dok. č. 253—254, s. 391—394; dok. č. 265, s. 409]. Однако угроза для Чехословакии

со стороны Венгрии и Германии продолжала оставаться вполне реальной. Начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта В. Кейтель в ходе своего визита в Венгрию в июне 1938 г. посетил участки венгеро-чехословацкой границы, как доносил М. Кобр, на предмет изучения возможности нападения на ЧСР с этого направления [19, dok. č. 372, s. 566—568].

В ходе визита венгерского премьер-министра Бела Имреди и министра иностранных дел Калмана Каня в Рим в июле 1938 г. состоялась их встреча с премьер-министром Бенито Муссолини и министром иностранных дел Италии Галеаццо Чиано. Венгры, как сообщал чехословацкий посланник в Риме Ф. Хвалковский, заявили, что если Чехословакия не изменит свои подходы, то Венгрия будет проводить в отношении нее политику, аналогичную германской, и рассчитывать на грядущий распад республики [23, dok. č. 411, s. 46—47].

В августе 1938 г. в Бледе (Румыния) на XXI совещании Постоянного совета Малой Антанты после полуторагодовой подготовки были подписаны Бледские протоколы между членами блока и Венгрией. Договоренности закреплял принцип ненападения и равных прав в вопросах вооружения, что, по признанию К. Крофты, вызвало удовлетворение в Праге [23, dok. č. 496, s. 171—172]. Кроме того, они содержали декларации с Румынией и Югославией о статусе национальных меньшинств. Однако подобная декларация с Чехословакией подписана не была, так как Прага считала недопустимым, чтобы Венгрия «вела с нами переговоры о решении у нас венгерского вопроса» [23, dok. č. 506, s. 180—189]. В результате дипломатического зондажа К. Кобра об отношении Венгрии к взятым на себя в Бледе обязательствам стало ясно следующее. По словам К. Каня, протокол о ненападении имел силу только касательно Румынии и Югославии, поскольку с ними заключены соглашения о меньшинствах. С Чехословакией же эта проблема не решена, поэтому и принцип ненападения в отношении нее не может вступить в действие [23, dok. č. 531, s. 222—225].

Однако и в этой обстановке Будапешт продолжал вести достаточно осмотрительную политику. В августе 1938 г. Гитлер пригласил Хорти в Киль на церемонию спуска на воду военного корабля «Принц Эуген», рассчитывая на его ностальгические чувства (Хорти 27 февраля 1918 г. был назначен главнокомандующим австро-венгерским флотом и получил звание контр-адмирала, а до этого командовал кораблем с таким же названием), и окружил дружеским вниманием. При первой же беседе наедине Гитлер сказал, что намерен «раздавить чехов». Отвечая на предложение одновременно напасть на Словакию с юга, Хорти «вежливо, но решительно» отказался, заявив, что хотя у Венгрии имеюся территориальные претензии к Чехословакии, но о венгерском участии «в такой акции не может быть и речи». После этого дружеское расположение Гитлера улетучилось. В середине сентября Хорти направил Гитлеру письмо, обращая внимание на возможность мирного решения чехословацкой проблемы — либо путем предоставления всем нацменьшинствам страны равных с чехами прав, либо путем проведения референдумов на территориях меньшинств [9, с. 188—189].

Между тем ситуация в Судетской Богемии становилась все более напряженной. После неудачного путча Судето-немецкой партии 12 сентября 1938 г. Прага объявила в регионе чрезвычайное положение и ввела войска в приграничные районы с немецким населением. Эти события означали провал посреднической миссии «независимого наблюдателя» от Форин офис лорда У. Ренсимена, находившегося в Праге с 3 августа по 15 сентября. Советский полпред в Лондоне И. М. Майский зафиксировал в дневнике оценку: «Ренсимен — феноменально ленив и поэтому является вполне подходящим человеком для того, чтобы “выигрывать время”», он явится «еще одним звеном в цепи британской политики в отношении ЧС: обуздывать не агрессора, а жертву агрессора» [24, с. 243]. Предвидение Майского оправдалось. Британский премьер-министр Н. Чемберлен предложил личную встречу А. Гитлеру, которая состоялась 15 сентября в Берхтесгадене. На ней рейхсканцлер потребовал самоопределения для судетских немцев — практически их присоединения к Германии. Чемберлен, по существу, согласился с этими требованиями. При этом Гитлер выказал готовность пойти ради

Судет на риск мировой войны. Он заявил также, что Германия не может чувствовать себя в безопасности, «пока не будет ликвидирован договор между Россией и Чехословакией» [25, примеч. 1 к док. 127, с. 214].

Не случайно 20 сентября 1938 г. Политбюро ЦК ВКП (б) постановило дать положительные ответы на вопросы президента Э. Бенеша о советской помощи Чехословакии согласно договору 1935 г. как в случае оказания помощи Францией, так и в случае нападения Германии [26, док. 271, с. 363]. 22 сентября в Годесберге прошла вторая встреча Гитлера и Чемберлена, на которой был сформулирован ультиматум Германии о передаче ей до 1 октября чешских территорий, в населении которых немцы составляют более 50 % — так называемый «Годесбергский меморандум» [25, док. 186, с. 288—291]. Кроме того, Гитлер потребовал от Праги удовлетворения территориальных претензий Венгрии и Польши, которые в тот же день затребовали передать им районы с преобладающим венгерским и польским населением. Так, венгерский посланник в Берлине Дёме Стояи в разговоре с заместителем статс-секретаря иностранных дел Германии Эрнстом Вёрманом указал на требования, которые Венгрия выставляет после Годесберга: возвращение чехословацкой территории с венгерским населением; право на самоуправление для словаков и русинов [27, dok. č. 6, str. 15].

Воздействие мюнхенской сделки на отношения Чехо-Словакии и Венгрии. Мюнхенское Соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией от 29 сентября 1938 г. даже несколько смягчило беспрецедентные положения «Годесбергского меморандума» [28, док. 1, с. 19—21]. Тем не менее мюнхенская сделка повлекла потерю Чехословакией 1/3 своей территории с 5 млн чел. населения и 40 % промышленного потенциала. Справедливости ради следует отметить, что на территории Судетской Богемии, занимавшей площадь в 26,9 тыс. кв. км, по данным 1919 г. проживало 3110 тыс. немцев и 170 тыс. чехов [29, с. 256].

В Мюнхене А. Гитлер не хотел обсуждать венгерский и польский вопросы, так как намеревался решить их сам с наибольшей выгодой для себя. Однако по его просьбе премьер-министр Италии Б. Муссолини представлял на конференции интересы венгерского и польского национальных меньшинств в Чехословакии [22, с. 88]. Лишь под давлением последнего проблема была упомянута в дополнительной декларации к соглашению, причем предусматривалась возможность урегулирования этой проблемы в течение трех месяцев. И только если в этот срок стороны не придут к соглашению, вопрос должен быть рассмотрен участниками Мюнхенской конференции [21, док. 43, с. 107].

Сразу после Мюнхена развернулись бурные события первых чисел октября — вторжение венгерских войск на территорию Чехословакии; переворот автономистов-глинковцев в Словакии; принятие Гитлером на основе меморандума Э. Вёрмана плана действий в Центральной Европе, который исключал венгерскую оккупацию Закарпатья и образование венгеро-польской границы, рассматривавшейся Берлином как препятствие своему продвижению на восток.

Невзирая на возможность упомянутого трехмесячного срока для урегулирования проблем с Польшей и Венгрией, Чехословакия вслед за ультиматумом от Германии вскоре получила еще два. Польский ультиматум от 30 сентября требовал уступки трех районов в Силезии — Фрейштадта (Заользья), Тешина, Яблункова — и проведения в четвертом районе плебисцита без международного контроля. Уже 1 октября чехословацкое правительство капитулировало, и началась передача Польше Тешена и Заользья [25, док. 227, с. 341—342]. Эти районы составляли более 80 % всей территории Тешенской Силезии.

Что касается венгерского ультиматума, то он был основан на предмюнхенских нотах, адресованных Чехословакии 22 и 28 сентября 1938 г. о передаче Венгрии без переговоров чехословацкой территории с преобладающим венгерским населением. Начальник канцелярии МИДа Венгрии Иштван Чаки за день до Мюнхена даже посетил Муссолини с картой венгерских территориальных требований [21, док. 41, с. 104]. 1 октября К. Крофта в ноте

венгерскому посланнику в Праге Яношу Веттштейну выразил согласие начать вскоре переговоры о судьбе чехословацких мадьяр с решением проблемы по схеме, аналогичной судетской [30, dok. č. 23, s. 50—51].

НКИД СССР был проинформирован о ситуации из первых рук, но Будапешт сделал это недобросовестно. На встрече венгерского посланника в СССР Михая Юнгерт-Арноти с заместителем наркома В. П. Потемкиным 2 октября последний, по выражению посланника, «смиренно» говорил о судьбе Чехословакии, считая, что западные державы предали ее еще перед Мюнхеном. Тем не менее Потемкин интересовался площадью районов расселения и численностью венгров в Чехословакии [31, III. kapitola, dok. č. 182, s. 189—190]. Российский исследователь проблемы А. И. Пушкаш особо выделил заявление Юнгерта на этой встрече о намерении Венгрии предъявить Чехословакии требование — «отдать ей около полутора миллионов мадьяр вместе с частью Чехословакии, на территории которой обитают эти меньшинства». Совершенно очевидно, что посланник пытался обмануть Потемкина, называя цифру, почти в два раза превышавшую количество проживавших там мадьяр [16, с. 236].

Чехословацкий министр иностранных дел К. Крофта вполне критически оценивал положение своей страны. В беседе с советским полпредом в Праге С. С. Александровским 3 октября 1938 г. он прямо сказал, что Чехословакия «превращена в фикцию, государство без всякого значения... Недалеко то время, когда она превратится в безвольный придаток Германии» [32, док. 16, с. 45]. 3 октября К. Каня ответил на ноту Крофты, сформулировав венгерские требования. В их числе значилась первоначальная символическая уступка двух-трех пограничных городов (в Словакии ими могли бы быть Комарно, Штурово, Шахи, в Подкарпатской Руси — Словенске Нове Место, Чоп, Берегово), а также указание начать переговоры 6 октября в Комарно [30, dok. č. 27 a pozn. 2—3, s. 54—55]. Секретарь германского посольства в Праге Андреас Хенкке сообщал в Берлин 4 октября, что, по мнению венгров, «наилучшее решение словацкого вопроса в добровольном присоединении Словакии, включая Подкарпатскую Русь, к Венгрии». При этом Словакия могла бы получить территориальную автономию, а Подкарпатская Русь, учитывая высокий удельный вес венгров в крае, национальную автономию [27, dok. č. 22, s. 48].

Однако 5 октября президент Чехословакии Э. Бенеш подал в отставку. Было образовано второе правительство Яна Сыровы, в которое Крофта не вошел. Новым министром иностранных дел республики стал бывший посланник в Италии Франтишек Хвалковский. Правительственный кризис совпал с политическим. Мюнхенский диктат повлек появление двух автономий. 6 октября на заседании лидеров словацких политических партий в Жилине был принят «Манифест словацкого народа». В нем провозглашалась реализация словаками своего права на самоопределение, выражалась надежда на международные гарантии неделимости «Словацкой краины» и соблюдение прав словацкого меньшинства за границей. Другой документ — закон о децентрализации правительственной власти (Жилинский договор) — объявлял автономию Словакии, правительство которой возглавил Йозеф Тисо [33, s. 70—71]. 11 октября появилась автономия Подкарпатской Руси во главе с Андреем Бродием. (После создания автономий республику принято называть «второй», а ее название писать через дефис.)

Германия, согласившись с выделением национальных автономных районов Чехо-Словацкой республики (Ч-СР), по-прежнему не поддерживала планы присоединения к Венгрии всей Подкарпатской Руси с целью создания общей польско-венгерской границы. Это было связано с геополитическими построениями Германии в регионе. В меморандуме Верховного командования вермахта от 5 октября 1938 г., адресованном МИДу, говорилось, что создание компактного блока государств, расположенных к востоку от Германии и имеющих коммуникации на юго-восток Европы, не соответствует немецким интересам. Поэтому создание польско-венгерской границы являлось «нежелательным по военным соображениям» [34, с. 166—168, 182—183]. Для Польши этот вопрос был настолько значим (абсолютно не-

кстати для Германии), что она даже давала политический сигнал Берлину: «Если Карпатская Русь отойдет к Венгрии, то Польша будет согласна впоследствии выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину» [32, док. 26, с. 64; док. 53, с. 105].

В германском МИДе прорабатывались возможные варианты решения словацкого вопроса, направленные 7 октября Гитлеру. Были выделены четыре гипотетических варианта: независимая Словакия; словацкая автономия в рамках Чехословакии; автономия Словакии «с ориентацией на Венгрию и возможностью союза вплоть до инкорпорации»; автономия Словакии с ориентацией на Польшу. В материале высказывалось мнение о том, что наиболее вероятны первый и второй варианты, причем словацкая независимость «остается пока открытым вопросом». Касательно третьего варианта указывалось, что Венгрия «готова поглотить Словакию в любом формате, но Словакия решительно отбрасывает любую форму присоединения». Касательно четвертого — «германский интерес к ориентации Словакии на Польшу еще меньший, чем на Венгрию» [27, dok. č. 32, s. 76—77].

На этом фоне 9—13 октября 1938 г. на пароходе «Жофия» в словацком дунайском порту Комарно проходили венгеро-чехо-словацкие переговоры на основе старых максималистских требований Венгрии о передаче ей южных районов Словакии и Подкарпатской Руси. Чехо-словацкую делегацию возглавлял премьер-министр Словакии Й. Тисо, венгерскую — министр иностранных дел К. Каня. В первый день переговоров Ч-СР согласилась в знак доброй воли уступить Венгрии в течение 24 часов город Шахи (Ипойшаг) и 36 часов — станцию Нове Место-под-Шатром (Шаторальяуйхей) [30, dok. č. 53—54, s. 80—81]. Венгрия же в специальном меморандуме потребовала передать ей полосу территории Верхнего края (Фелвидека, что по венгерской фразеологии означало Словакию и Подкарпатскую Русь) шириной в среднем 40 км и длиной свыше 800 км с такими крупными городами, как Братислава, Кошице, Мукачево [35, л. 9]. Эти требования основывались на «этническом принципе» и касались (по вновь опубликованным словацким статистическим данным) территории в 14 106 км кв. (в том числе в Словакии — 12 124, в Подкарпатье — 1982 км кв.), на которой проживало 1346 тыс. чел. (в том числе в Словакии — 1136 тыс., в Подкарпатье — 210 тыс. чел.). По чехословацкой переписи 1930 г. лишь 49,6 % из них были венграми [30, dok. č. 52-a a pozn. 1, s. 77—78]. Венгерская же сторона строго пользовалась данными переписи 1910 г. По ней на указанной территории насчитывалось 1090 тыс. чел., 77,9 % из которых были причислены к венграм, поэтому Будапешт требовал 12 городов и 812 сел в Словакии и Подкарпатьи. Дело в том, австро-венгерская перепись 1910 г. была проведена в период пика мадьяризации словаков и русин. Если на вопрос переписчика, владеет ли он венгерским языком, респондент давал положительный ответ, то он записывался венгром. Графы «национальность» в опросном листе не было, она заменялась графой «родной язык матери». Евреи вообще не фигурировали — их приписывали или к венграм, или к немцам [16, с. 242—243].

Поэтому проблема статистической точки отсчета вызвала бурные споры. На заседании 10 октября 1938 г. венгры убеждали взять за основу данные переписи 1910 г., якобы отражающей состояние дел и на момент переговоров. Однако Тисо отказался, указав, что предыдущие австрийские переписи 1880 и 1850 гг. дают картину в пользу Словакии. 11 октября совместная комиссия специалистов вновь вела дискуссии вокруг переписей 1850, 1880, 1910 и 1930 гг. Словацкие эксперты подготовили отчет о недостоверности данных 1910 г. для определения словацко-венгерской этнической границы [30, dok. č. 57, s. 82—88; dok. č. 61—61-a, s. 91—98]. В тот же день на совещании в МИДе Чехо-Словакии, рассмотревшем ход переговоров в Комарно, было решено не признавать территориальные требования венгров, так как перепись 1910 г. не соответствует сложившемуся положению [30, dok. č. 68, s. 109].

Конкретные шаги Праги были обусловлены и позицией Берлина. Статс-секретарь германского МИДа Эрнст Вайцзеккер разослал 10 октября всем посольствам телеграмму, в которой излагалось отношение Германии к Ч-СР. В ней поддерживались венгерские претен-

зии на сопредельную словацкую территорию с мадьярским населением, высказывалась одобрение Жилинскому договору, который «обозначил линию сильной автономии», предлагалось самоуправление Братиславы, но «с конечным оставлением ее в составе Чехословакии» [27, dok. č. 41, str. 102]. Гитлер в беседе с Риббентропом в тот же день сформулировал, что Венгрия должна установить с Ч-СР не стратегические, а только этнические границы и отойти к ней могут чехословацкие области лишь с абсолютным преобладанием венгерского населения. 11 октября вице-премьер-министр Словакии Фердинанд Дурчанский встречался с Гитлером и обсуждал линию границы [36, с. 179—189]. На следующий день Дурчанский в разговоре с Г. Герингом сделал буквально программное заявление: «Словаки не хотят больше принадлежать Венгрии. Они хотят полной самостоятельности с максимально сильной политической, экономической и военной ориентацией на Германию. Братислава будет столицей» [27, dok. č. 53, s. 135]. Поддержка Германии обусловила неуступчивость чехословацкой делегации на переговорах и позволила ей на этом этапе отклонить венгерские территориальные требования. Однако решение судьбы Ч-СР полностью перешло в руки Гитлера.

Тем не менее Тисо 12 октября 1938 г. выдвинул уступку, считая ее окончательной. Он заявил о готовности возобновить переговоры и по территориальной проблеме. Было предложено передать Венгрии Житный остров, за исключением Братиславы и четырех невенгерских сел в ее окрестностях, при условии объявления Комарно свободным портом и гарантии новой малодунайской границы [30, dok. č. 70, s. 111—112]. Предлагаемая территория составляла 1 840 км кв. с населением в 105 тыс. чел. [16, с. 247] Как сообщал в Берлин немецкий посланник в Будапеште Отто Эрдманнсдорф, венгры посчитали это «совершенно недостаточным» и ультимативно потребовали полного принятия всех своих требований и в первую очередь «отторжения всех словацких территорий с преобладающим венгерским населением» [27, dok. č. 54, s. 138]. Венгрия, впрочем, была готова принять предложенные Тисо земли, но без гарантии новой границы, потому что она претендовала на Братиславу (словаки же считали ее для себя «бесценной»), хотела распространить дискуссию и на другие регионы [30, dok. č. 70, s. 113—115].

Немецкая сторона еще до начала переговоров пристально следила за развитием ситуации вокруг Братиславы, пользуясь более объективными данными переписи 1930 г. Из них следовало, что население Братиславы с пригородами (включая Модру) равнялось 214,5 тыс. чел., из которых словаки составляли 50,2 %, немцы — 20,5 %, чехи — 14,8 %, евреи — 7,4 %, венгры — 7,1 % [27, dok. č. 27, s. 62]. В специальной записке Вёрмана для Гитлера по проблеме Братиславы анализировался национальный состав ее населения по данным переписей 1880, 1890, 1910 и 1930 гг., особым разделом выделялся Девин с окрестностями, отделенный от немецкой границы лишь Моравой и Дунаем [27, dok. č. 35, s. 86—88].

13 октября Тисо пошел на новую территориальную уступку, троекратно увеличив ее площадь, оставляя, однако, на чехо-словацкой стороне такие словацкие и подкарпатские города, как Братислава, Нове Замки, Левице, Римавска Собота, Лученец, Кошице, Ужгород, Мукачево, Берегово. Венгрии предлагалась территория в 5573 км кв. с населением (по переписи 1930 г.) в 378 тыс. чел., из которых 83 % составляли венгры, 12 % — словаки и чехи, 5 % — немцы, русины, евреи [30, dok. č. 79 a pozn. 2, s. 126]. Временный поверенный в делах Германии в Праге Андреас Хенкке в тот же день сообщил в Берлин, что в рамках этой уступки «Венгрии должно отойти 11 % сегодняшней Словакии с приблизительно 400 000 жителей, из которых 320 000 венгров, 44 000 словаков и русин» [27, dok. č. 56, s. 142]. Вокруг данного предложения развернулась дискуссия. Чехо-словацкая сторона акцентировала внимание на принципе равенства, согласно которому границы нужно провести так, чтобы количество оставшихся в Венгрии словаков равнялось количеству оставшихся в Словакии венгров (поскольку точную этническую границу в районах смешанного проживания установить невозможно). Венгерская сторона отвергала принцип равенства, предлагая учитывать не числен-

ность венгров, проживавших по ту или другую сторону границы, а их удельный вес в населении. При этом (как подметил А. И. Пушкаш) за основу принималось не соотношение населения Венгрии и Чехо-Словакии (10 к 14 млн), а только Венгрии и Фелвидека (Словакии с Подкарпатьем) — 10 к 2,5 млн чел. На этом основании венгры считали вполне справедливым, если бы в Венгрии осталось 600 тыс. словаков, а в Словакии и Подкарпатье — лишь 150 тыс. венгров [30, dok. č. 78, s. 121—123; 16, с. 249]. Короткая, но жесткая перепалка привела к венгерскому заявлению о бесцельности дальнейшей дискуссии, а через час К. Каня вручил Й. Тисо ноту о прекращении переговоров [30, dok. č. 83—83-a, s. 128—129]. Венгрия обратилась к четырем участникам мюнхенского соглашения и Польше с просьбой поддержать ее притязания к Чехо-Словакии.

Регент Венгрии Миклош Хорти сразу же сообщил в письме Гитлеру о прекращении переговоров в Комарно из-за «неприемлемости чехословацкого предложения» и просил принять бывшего премьер-министра Калмана Дарани. Визит последнего в Мюнхен и переговоры с Гитлером состоялись 14 октября 1938 г. Будапешт поставил на кон весомые аргументы: присоединение к антикоминтерновскому пакту, выход из Лиги Наций, тесное экономическое сотрудничество с Германией. Однако Гитлер упрекал Венгрию за пассивность в период Мюнхена, когда, как он считал, можно было силой занять всю Словакию, сейчас же нужно искать компромисс [37, с. 49]. Дарани дважды адресовал его к карте венгерских требований, но они Гитлера «не воодушевили», и он заявил о необходимости этнического принципа формирования новой венгеро-чехо-словацкой границы. Затем Дарани продолжил переговоры с Риббентропом, получив от премьер-министра Белы Имреди директивы по территориальным требованиям. Риббентроп (со слов Дарани) сам нанес новые данные на карту и сообщил их министру иностранных дел Чехо-Словакии Ф. Хвалковскому как свои собственные предложения. Интрига заключалась в том, что в них не упоминались подкарпатские города Ужгород и Мукачево. Тем самым, в переданной Праге «линии Риббентропа» Братислава, Нитра, Кошице, Ужгород и Мукачево оставались у Словакии. Это вызвало длительную (до кануна арбитража) германо-венгерскую дискуссию: Будапешт отрицал, что он якобы согласился оставить Ужгород и Мукачево в составе Чехо-Словакии, а Берлин настаивал на обратном (карту же, переданную Дарани в германский МИД, там найти не смогли!) [16, с. 254—260]. Прага, разумеется, исходила из «линии Риббентропа», что видно из немецкого запроса в автономные правительства Словакии и Подкарпатской Руси, которые с готовностью согласились признать карту Дарани [30, dok. č. 99 a pozn. 2, s. 159].

И Венгрия, и Ч-СР стремились аргументировать и объяснить на международной арене свою позицию на переговорах в Комарно. Чехо-словацкий МИД 14 октября разослал в свои европейские посольства ноту, возложив всю ответственность за срыв переговоров в Комарно на венгров. В ней отмечалось, что вопреки всем уступкам, сделанным Тисо, Каня тем не менее предложил границу, по которой на отходящих к Венгрии землях осталось бы 510 тыс. словаков и русин (и это в дополнение к их 301 тысяче, проживавших на тот момент в Венгрии). В отдельном документе эксперты обобщили все аргументы Праги [30, dok. č. 87, s. 134—135; dok. č. 89, s. 136—137]. 15 октября венгерский посланник в Праге Янош Веттштейн в разговоре с Хенкке изложил венгерскую позицию, вновь перечислив все требования и аргументы [27, dok. č. 60, s. 152—153]. 18 октября в немецком МИДе была подготовлена записка о венгерских претензиях к Ч-СР и отношении к ним Германии, которая выглядела как итоговый документ [27, dok. č. 66, s. 170—171].

На позицию СССР в связи с переговорами в Комарно, призванными определить возможную линию чехо-словацко-венгерской границы, не мог не повлиять весьма значительный дипломатический инцидент с министром иностранных дел Чехо-Словакии Ф. Хвалковским, касавшийся Мюнхенской конференции и установленной там чехословацко-германской границы. 9 октября (в день начала переговоров в Комарно) М. М. Литвинов сделал чехо-словац-

кому посланнику в Москве З. Фирлингеру запрос. Его смысл заключался в том, чтобы выяснить, насколько Прага (имея в виду высказывания французских и британских официальных лиц о возможности включения СССР в число гарантов новых границ Чехо-Словакии) «считает желательным для себя включение СССР в число гарантов». Советский полпред в Праге С. С. Александровский 16 октября сообщил в НКИД: «Абсолютно достоверно узнал, что Хвалковский скрыл от кабинета министров факт запроса Литвинова». В тот же день заместитель наркома В. П. Потемкин еще раз просил полпреда выяснить «это обстоятельство, которое, быть может, небезразлично для некоторых членов правительства и политических деятелей Чехословакии» [17, док. 424, с. 590—591; примеч. 162—163, с. 739—740].

В такой обстановке венгерский посланник в Москве М. Юнгерт-Арноти 17 октября в беседе с тем же В. П. Потемкиным изложил венгерскую официальную версию срыва переговоров в Комарно. По этой версии Венгрия предложила Чехо-Словакии уступить ее пограничные районы, населенные, согласно переписи 1910 г., почти исключительно венграми (840 тыс. чел.). Что касается словаков (140 тыс. чел.), немцев (57 тыс. чел.) и русин (30 тыс. чел.), проживающих на той же территории, то для них, «равно как и для всей Словакии и всей Закарпатской Украины, венгерская делегация предложила провести плебисцит, чтобы предоставить им возможность самостоятельно разрешить вопрос о своей государственной принадлежности». Прага в ответ заявила о готовности предоставить венгерскому меньшинству «известную автономию в пределах нынешних государственных границ», а затем согласилась уступить Житный остров. Однако оба предложения были последовательно отклонены венграми, и «переговоры зашли в тупик». На вопрос Потемкина об основаниях для плебисцита во всей Словакии и Подкарпатьи Юнгерт самонадеянно заметил, что «в экономическом отношении обе области настолько тесно связаны с Венгрией... что они, вероятнее всего, предпочтут слиться с венгерской территорией, нежели поддерживать искусственную связь с Чехословакией» [17, док. 425, с. 591—592]. В двух донесениях Юнгерта-Арноти в МИД Венгрии, касающихся этой беседы, указывалось на интерес Потемкина к численности венгров в Чехо-Словакии, местам их проживания, официальным данным, на которых базировались венгерские претензии. Юнгерт выразил удивление негативной позицией советской печати по поводу стремления Венгрии добиться равноправия венгерского меньшинства в Чехо-Словакии, притом что все советское государство построено на праве наций на самоопределение. На это Потемкин ответил, что СССР считает Мюнхенское соглашение несправедливым, не имеющим законных оснований и выступает против всего происходящего на его основе. Словацкая же и русинская народности имеют право на самоопределение и неприсоединение к Венгрии [31, III. kapitola, dok. č. 261, s. 216; dok. č. 310, s. 229—230].

Между тем Риббентроп настойчиво продолжал свою посредническую деятельность между Чехо-Словакией и Венгрией. Делегация во главе с Й. Тисо (интересы Словакии и Подкарпатской Руси в ее составе представляли министры автономных правительств Фердинанд Дурчанский и Эдмунд Бачинский) провела с ним переговоры 19 октября в Мюнхене. Прага пошла на значительные территориальные уступки, но на основе «линии Риббентропа», то есть оставляя себе пять упоминавшихся крупных городов [30, dok. č. 100—100-a, s. 160—161]. Венгрия сделала свои уступки, в тот же день согласованные с рейхсминистром. Ее требования на этот раз составляли 11 300 км кв. с 740 тыс. чел. населения, в том числе с 680 тыс. венгров (91,9 %). Расхождения обеих сторон уже были невелики. Однако, заручившись поддержкой Италии, Венгрия все более отходила от концепции двустороннего соглашения при посредничестве Риббентропа, сделав ставку на арбитраж в расчете получить в этом случае еще больше [16, с. 269, 272, 277].

Хвалковский на встрече с советским полпредом С. С. Александровским 22 октября говорил, что «его внимание сосредоточено почти исключительно на вопросе об установлении точных границ» и что он трижды проехал вдоль демаркационной линии [38, док. 416, с. 579].

23 октября Прага сделала новую подвижку — Хвалковский предложил передать Венгрии 9606 км кв. с населением в 728,4 тыс. чел., из которых венгры составляли 67,9 %, а словаки и чехи — 23,1 % [30, dok. č. 106 a pozn. 2, s. 166—167]. Это не осталось незамеченным в Берлине, где 28 октября в МИДе была разработана справка об установлении новой венгеро-словацкой границы. Документ содержал обзор и анализ национального состава населения на всех спорных участках с привлечением материалов нескольких переписей разных годов [27, dok. č. 89, s. 238—240].

28—29 октября 1938 г. состоялся визит Риббентропа в Рим, где он провел переговоры о венгерских территориальных требованиях с Г. Чиано, а затем и с Б. Муссолини. По этому вопросу между Германией и Италией существовали разногласия. Рим поддерживал максималистские требования Будапешта, выступал за создание венгерско-польской границы путем передачи Венгрии всей Подкарпатской Руси (или, по крайней мере, «трех восточных городов» — Кошице, Ужгорода, Мукачева), стоял на позиции германо-итальянского арбитража. Берлин старался ограничить территориальные аппетиты Венгрии, резко возражал против общей венгерско-польской границы, настаивал на конференции четырех стран — участниц Мюнхенской конференции. В результате трудных переговоров родилось компромиссное решение [16, с. 285—288]. Риббентроп пошел на ряд уступок, однако остался непреклонен в вопросе недопущения венгерско-польской границы (хотя и согласился на передачу «трех восточных городов»), настоял на отказе венгров от Братиславы и Нитры, отклонил привлечение Польши в качестве арбитра [36, с. 207—208]. В конце октября в германском МИДе был сделан черновой набросок документа, содержавший перечень немецких интересов в связи с готовящимся арбитражем, с задачей «придерживаться этнических границ», исключая из числа венгров мадьяроязычных евреев [27, dok. č. 98, s. 282].

Первый Венский арбитраж и судьба Южной Словакии (ноябрь 1938 — март 1939 г.). Венский третейский суд (первый Венский арбитраж) состоялся в Бельведерском дворце 2 ноября 1938 г. Арбитрами были министры иностранных дел Германии и Италии — Й. Риббентроп и Г. Чиано. Решение было изложено в семи пунктах. В самом важном — первом пункте говорилось, что передаваемые Чехо-Словакией Венгрии территории обозначаются на карте, а демаркация новой границы на месте возлагается на совместную венгеро-чехо-словацкую комиссию. Другие пункты предписывали передать венгерской стороне эвакуируемые области в полном порядке в период с 5 по 10 ноября. Вопросы оптации, гражданства и прав оставшегося в Словакии венгерского меньшинства подлежали рассмотрению совместной комиссией. Нанесенная на карту граница имела описание, но карта не была опубликована. Более того, позже она не была и обнаружена [30, dok. č. 139 a pozn. 1—2, s. 203—205]. По показаниям в январе 1946 г. венгерского генерал-полковника И. Рускицай-Рюдигера, находившегося в советском плену, новая граница была нанесена на карту лично Риббентропом и Чиано [39, л. 174]. 70-летний Хорти лично возглавил венгерские войска, выдвигавшиеся на арбитражную территорию. Подобно тому, как он в ноябре 1919 г. во главе «национальной армии» въехал на белом коне в оставленный румынскими оккупационными войсками Будапешт, регент 11 ноября 1939 г., сопровождаемый Имреди и Каня, въехал на белом коне в Кошице (вскоре торжественная процедура была повторена в Комарно) [9, с. 179, 189]. По сообщению немецкого консула Хуго Гумтау, население Кошице наибольшую благодарность, по сравнению с Гитлером и Риббентропом, выражало в адрес Муссолини, так как считало, что Кошице, Ужгород и Мукачево отошли к Венгрии главным образом благодаря нажиму Италии [40, dok. č. 8, s. 46—47]

Все перипетии с картой, а также с разными вариантами описания границы вызвали разнобой в статистике площади переданных территорий и численности их населения. Наиболее распространенными первоначально были венгерские данные о присужденных 12,0 тыс. км кв. с населением в 862,7 тыс. чел., среди которых 86,6 % составляли венгры. (Это

означало, что Венгрия присоединила 84,2 % затребованной территории и получила 88,0 % всех венгров, проживавших в Чехо-Словакии [16, с. 291—292].) Более достоверными выглядят данные о статистике населения (на основе переписи от 15 декабря 1936 г.), подготовленные по запросу Пала Телеки, ставшего в феврале 1939 г. премьер-министром Венгрии. По этим данным в состав Венгрии было передано 1040,4 тыс. чел., в том числе 84,5 % венгров и 11,9 % словаков [34, с. 204—205].

Вскоре после арбитража, 14 ноября 1938 г., МИД Ч-СР составил свое описание границы и привел подробную этническую статистику населения. Согласно этим данным к Венгрии отошло 11 832 км кв. словацких и закарпатских земель с населением 1027 тыс. чел. Потери в собственно Словакии составили 10 309 км кв. территории и 854,2 тыс. чел. населения, из числа которого 59,0 % являлось мадьярами [30, dok. č. 142, s. 209—210]. В ноябре (точной даты нет) словацкие эксперты составили свой «Доклад о размере переданной Венгрии территории, ее этнической структуре и последствиях венского решения для Словакии». Документ содержал практически аналогичные цифры потерь — 10 307 км кв. территории и 853,7 тыс. чел. населения с такой же долей венгров [41, dok. č. 1, s. 31]. Фактическое совпадение статистических данных Праги и Братиславы позволяет считать их наиболее объективными.

Советская оценка решения третейского суда о передаче Венгрии населенных мадьярами словацких земель была лаконичной. Председатель СНК СССР В. М. Молотов, говоря 6 ноября 1938 г. на торжественном заседании по поводу годовщины Октября о расчленении Чехословакии, отметил: «С жадностью откусила солидный кусок Венгрия» [25, док. 247, с. 386]. Интересно донесение венгерского посланника в Москве Юнгерт-Арноти на предмет той же оценки венского решения. 15 ноября он сообщал: в НКИДе это считают «естественным следствием Мюнхенского договора», советская же пресса высказывается более определенно — в поддержку Чехословакии, особенно выступая «против оккупации» [31, III. kapitola, dok. č. 340, s. 241]. Позже советский полпред в Германии А. Ф. Мерекалов в своем отчете за 1938 г. о политической жизни в Германии отметил: «Став арбитром в споре между Прагой и Будапештом, Берлин 2 ноября вместе с Римом... наметил новую венгеро-чехословацкую границу». При этом Германия не допустила создания общей границы Венгрии с Польшей, сохранив Подкарпатье за Чехо-Словакией, что создало «заметное охлаждение в отношении к Берлину в Венгрии» [28, док. 148, с. 231]. Примечательно, что 2 февраля 1939 г. заместитель наркома иностранных дел В. П. Потемкин, отвечая на запрос главного управления геодезии и картографии при СНК СССР, сообщил: «НКИД полагает, что на советских географических картах Чехо-Словакия может быть показана в новых границах, в соответствии с тем, как это изображается на картах, изданных сейчас в Чехо-Словакии» [42, с. 87].

Между тем венские арбитражные решения еще предстояло реализовать на практике. Через неделю после арбитража для этого был сформирован ряд смешанных венгеро-чехословацких комиссий. Основную роль играла делимитационная комиссия, занявшаяся точным определением новой границы. На ее заседаниях было решено использовать в качестве границ населенных пунктов не административное деление, а данные земельного кадастра. Кроме того, новая венгерская администрация на переданных землях сразу же начала принудительный сгон чешских, словацких и русинских колонистов. На этом фоне Будапешт заявил о своем стремлении к дальнейшему пересмотру границы с Чехо-Словакией, с тем чтобы добиться «исторических границ» Венгрии, так как венское решение считал только «специальным», но не «окончательным» [43, с. 206—207].

Уже 6 ноября на совещании с участием регента М. Хорти был разработан план вооруженного захвата всего Подкарпатья, что буквально случайно стало известно в Берлине. Только две германские ноты 18 и 21 ноября 1938 г. сдержали венгерскую армию от вторжения, потому что Германия уже планировала подчинение себе всей территории Чехо-Словакии [21, док. 72, с. 141]. После этих событий венгерский МИД возглавил граф Иштван Чаки.

Ответные репрессивные меры центрального правительства в Праге против местных мадьяр (в первую очередь в Подкарпатье) натолкнулись на жесткую реакцию венгерских органов, заявивших в ноябре о неизбежности аналогичных мер против словаков на арбитражных землях. В декабре 1938 г. продолжились взаимные гонения на словаков и венгров по обе стороны новой границы. Словацкие инстанции также считали свои действия ответными, изменение которых будет зависеть от венгерской стороны [41, dok. č. 72, s. 98; dok. č. 126, s. 156—157].

В первые дни 1939 г. начались инциденты на чехо-словацко-венгерской границе, которые достигли более серьезных масштабов, чем обычно, и поэтому вызвали обеспокоенность даже в Италии. Венский арбитр Г. Чиано записал 10 января в кабинетном дневнике о том, что не вся ответственность за них должна быть возложена на Прагу. «Наоборот. Позиция венгров не очень хороша. С самого начала они пытались саботировать Венский арбитраж. Это глупая политика, поскольку она раздражает и нас, и Германию и наверняка не может изменить положения». Чиано «откровенно сказал об этом» венгерскому послу в Риме Ф. Виллани, посоветовав соблюдать арбитражное решение. Муссолини также был раздражен ситуацией на границе, отметив с обычным для него апломбом: «Эти венгры начинают падать в моем мнении. У них не хватало мужества действовать, когда они должны были действовать, а теперь они ведут себя, как иезуиты...» [44, с. 19, 22].

Изучить причины и характер инцидентов на новой границе, положение и настроения на присоединенных территориях Берлин поручил Роберту Новаку, офицеру II отдела абвера, курировавшего Юго-Восточную Европу. В начале января и в начале февраля 1939 г. он предпринял две поездки по Верхней Венгрии. Их результатом стали два отчета, огромных по объему и насыщенных пусть тенденциозными, но богатыми и разнообразными фактами [41, dok. č. 14, s. 98—110; dok. č. 83, s. 434—443].

В январе Будапешт публично объявил о готовящемся присоединении Венгрии к антикоминтерновскому пакту. В Москве посчитали этот шаг немотивированным и враждебным Советскому Союзу, так как у него «не имеется никаких политических спорных вопросов [к Венгрии. — *А. С.*] и против интересов которой СССР никогда нигде не выступал». В НКИДе в качестве ответной реакции созрел план ликвидации дипломатических миссий в столицах двух стран. Венгрия отклонила воздействие на нее путем угроз. 24 февраля 1939 г. она присоединилась к пакту [45, док. 63 и примеч. 7—8, с. 89].

Весьма активным проводником интересов Берлина в Словакии являлась организация немецкого меньшинства — Карпатонемецкая партия во главе с Францем Кармазиным, преобразованная после Мюнхена в Немецкую партию, которая получила право на представительство всех словацких немцев. Их призывы о присоединении к Германии не получили поддержки в Берлине, где возобладала концепция о словацких немцах как образце статуса немецкого меньшинства в Юго-Восточной Европе [1, с. 323—324]. Очень содержательны отчеты функционера партии Курта Рабла, составленные накануне (31 октября, 2 ноября 1938 г.) [27, dok. č. 95, s. 268—272; dok. č. 102, s. 299—303] и после арбитража (19, 31 января 1939 г.) [40, dok. č. 18, s. 130—131; dok. č. 33, s. 200—206], которые касались политического и экономического положения Словакии, возможностей ее государственного развития, отношений с Германией и Венгрией. Интересно, что в ряде районов Южного Спиша с немецким населением (Нижний и Верхний Междев, Штус) после угасшего по команде из Берлина немецкого ирредентистского движения стало нарастать желание присоединиться к Венгрии. При этом венгерский посланник в Берлине Дёме Стояи в начале февраля отрицал стремление Будапешта реально присоединить эти территории [40, dok. č. 44 a pozn. 1, s. 246—247]. Однако немецкий консул в Братиславе Эрнст Дрюффел в двух телеграммах от 24 февраля сообщал об активности главы Венгерской партии в Словакии Яноша Эстерхази, который представлял интересы оставшихся в стране и после арбитража 60 тыс. венгров. Эстерхази,

отправившись с визитом в Берлин, фактически лоббировал присоединение к Венгрии Меджева [40, dok. č. 74—75, s. 399, 402—403].

В феврале 1939 г. в Братиславе приступила к работе общая миноритарная комиссия с целью выработать нормы по защите словацкого и венгерского меньшинств. Ключевой проблемой было определение тех территорий, которые попадали под юрисдикцию предполагаемых миноритарных прав. Чехо-словацкая делегация хотела добиться прав меньшинства для всех словаков Венгрии (и на переданных по арбитражу, и на трианонских землях королевства). Венгерская же делегация категорически не соглашалась с распространением миноритарных гарантий на всю территорию Венгрии. Это не только увеличило бы вдвое количество охраняемых словаков, но и привело бы к появлению правовой проблемы немецкого меньшинства, составлявшего более 500 тыс. чел. Поэтому венгры настаивали в первую очередь на защите венгерского населения Братиславы (что было отдельно оговорено в тексте арбитража) и только потом соглашались обсудить права словаков, но лишь на переданных территориях. 18 февраля все-таки был подписан двусторонний договор об обмене населения переданных территорий и предоставлении гражданства. Спустя несколько дней из Братиславы были выселены венгры, попадавшие под условия наделения венгерским гражданством. По причине разногласий следующее заседание миноритарной комиссии было перенесено на середину марта, но из-за распада Чехо-Словакии комиссия больше так и не собралась [43, с. 208].

На фоне обсуждения прав меньшинств (и почти всегда вразрез с этими правами) шли два встречных миграционных потока. Главным был поток переселенцев и беженцев в Словакию с арбитражной территории, отошедшей к Венгрии. Словацкая историография выделяет сегодня добровольное (эвакуацию и бегство по собственной инициативе) и принудительное переселение (административное выселение и изгнание на основе директивных актов). По приблизительным оценкам Института по защите беженцев, созданного в Братиславе сразу после венского решения, с осени 1938 до начала 1941 г. в Словакию иммигрировало 10—13 тыс. беженцев с арбитражных земель и трианонской территории Венгрии, главным образом словацких крестьян и колонистов [46, s. 78—79, 94, 99].

Что касается делимитационной комиссии, то она много раз прерывала свою работу из-за бесконечных приграничных конфликтов и стремления Праги изменить согласованный ранее принцип проведения государственной границы. Дело в том, что ее формирование на основе кадастровых границ населенных пунктов привело Чехо-Словакию к непредвиденным потерям около 20 тыс. га спорных территорий [47, dok. č. 168, s. 328—330]. В записке Э. Вайцзеккера Д. Стояи от 7 февраля содержались указания о работе делимитационной комиссии: «Времена, когда англичане гарантировали границы Чехословакии, прошли... Единственной действительно имеющей значение гарантией может быть только германская гарантия... Работа комиссии должна идти без задержек, строго на основе арбитража» [40, dok. č. 43, s. 243]. После твердого отказа Будапешта пересмотреть кадастровый принцип работа комиссии была все-таки восстановлена, и к началу марта были оговорены все нюансы словацко-венгерского участка границы. 7 марта 1939 г. в Будапеште был подписан протокол о линии чехо-словацко-венгерской границы от Братиславы до р. Уж [47, dok. č. 169, s. 340—347]. Немецкий посланник в Венгрии Отто Эрдманнсдорф с радостью сообщал в Берлин об успешном завершении более чем трехмесячной работы делимитационной комиссии и подписании протокола, а также о большой статье по этому случаю 8 марта в полуофициозе МИДа Венгрии газете «Пестер Ллойд» [40, dok. č. 99, s. 505]. Дальнейшая работа комиссии прекратилась из-за масштабных политических изменений.

Г. Чиано сделал в эти дни примечательные записи в дневнике: «Если немцы войдут в Словакию, венгры намерены получить общую границу с Польшей — мечта, от которой они не откажутся» (11 марта); «Ничего особо важного для нас, поскольку дуче не намерен придавать какое-либо особое значение словацкому кризису, который развивается и приобретает тревож-

ные размеры» (13 марта); Й. Риббентроп дал понять итальянскому послу в Берлине Б. Аттолико, что германская программа включает «присоединение Богемии, превращение Словакии в вассальное государство и уступку Закарпатской Украины венграм» (14 марта) [44, с. 60—61].

В условиях вмешательства Гитлера в конфликт между центральной и атономной властью Праги и Братиславы, в словацкий правительственный кризис и под угрозой расчленения Словакии 14 марта 1939 г. словацкий сейм провозгласил независимость Словакии [подробнее см. 33, s. 159—183]. 15 марта Германия оккупировала чешские земли, объявив создание Протектората Богемия и Моравия, а Венгрия 15—18 марта оккупировала Карпатскую Украину. Чехо-Словацкая республика («Вторая республика») прекратила свое существование.

После ликвидации Ч-СР Венгрия фактически совершает нападение на Словакию. 23 марта венгерские войска с боями начали продвигаться на запад от Ужгорода к так называемой «линии Бенеша 1920 г.», вторгшись на территорию Восточной Словакии в районе г. Собранце. Именно в этот день Берлин объявил до того считавшийся секретным немецко-словацкий Охранный договор (18—23 марта 1939 г.) [33, s. 196—204]. Он узаконил германскую оккупацию Западной Словакии в виде огромной «охранной зоны», ограниченной на востоке горными грядами Малых Карпат, Белых Карпат и Яворника, а также маленького анклава в предместьях Братиславы — района Девина и Петржалки. Под давлением Германии 28 марта начались венгеро-словацкие переговоры, которые привели к венгерской аннексии полосы от 20 до 30 км западнее р. Уж [34, с. 283—284; 48, с. 250]. 4 апреля в Будапеште был подписан протокол о новой линии границы на участке между р. Уж и Польшей. В итоге к Венгрии был присоединен Собранецкий округ и часть округа Свина — 1050 км кв. с населением около 40 тыс. чел., половина из которых были словаками [47, dok. и. 200, s. 382; dok. и. 201 a pozn. 2, s. 383—384].

Когда после объявления независимости Словакии число изгнанных и бежавших из Венгрии словаков не уменьшилось, людацкий режим Братиславы начал оказывать давление на словацких венгров. Количество подвергнутых изгнанию было небольшим, однако эффект от этого шага в правительственных кругах Будапешта был значительным. Миграция в словацко-венгерском пограничье на время прекратилась [46, s. 104].

Венгрия стала первым государством, признавшим Словакию де-юре (была признана 27 странами). Дневниковые записи советских дипломатов тех мартовских дней объясняли произошедшие события позицией Германии, которая «официально отказалась от отрицательного отношения к установлению польско-венгерской границы» (советник полпредства СССР в Берлине Г. А. Астахов), а венский арбитраж сочла «опереженным событиями» (нарком М. М. Литвинов) [45, док. 138, с. 185; док. 145, с. 195].

ЛИТЕРАТУРА

1. История Словакии / Е. Маннова (отв. ред.). М. : Ин-т славяноведения РАН, 2003. 418 с.

2. Краткая история Венгрии: с древнейших времен до наших дней / Т. М. Исламов (отв. ред.). М. : Наука, 1991. 608 с.

3. *Контлер, Л.* История Венгрии: Тысяча лет в центре Европы / Ласло Контлер. М. : Весь мир, 2002. 527 с.

4. Чехия и Словакия в XX веке: очерк истории: в 2 кн. / В. В. Марьина (отв. ред.). М. : Наука, 2005. Кн. 1. 453 с.

5. *Серапионова, Е. П.* Чехословацкий вопрос на Парижской мирной конференции / Е. П. Серапионова // Восточная Европа после Версаля. СПб. : Алетейя, 2007. С. 90—108.

6. *Liszka, J.* Národopis Mad'arov na Slovensku / József Liszka. Komárno; Dunajská Streda : Fórum inštitút pre výskum menšín : Vidavatel'stvo Lilium Aurum, 2003. 495 s. (Interethnica 5).

7. *Romsics, I.* Trianonská mierová zmluva / Ignác Romsics. Bratislava : Kalligram, 2006. 236 s.

8. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 077 (Референтура по Венгрии). Оп. 21. П. 111. Д. 1 — Материалы по вопросам внутриполитического положения Венгрии и ее внешней политики.

9. *Желицки, Б. Й.* Регент Венгрии Миклош Хорти (1868—1957) / Б. Й. Желицки // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 173—196.

10. *Сальков, А. П.* СССР и национально-территориальное переустройство в Карпато-Дунайском регионе (1938—1941 гг.) / А. П. Сальков // Отечественная история. 2005. № 3. С. 71—82.

11. Československá zahraniční politika v roce 1936: u 2 sv. / K vydání připravil Jindřich Dejmek. Praha : Ústav mezinárodníh vztáhů, 2003. Svazek 1: (1. leden — 31. srpen 1936). 627 s. (Dokumenty československé zahraniční politiky).

12. Документы внешней политики СССР. Т. XVIII: 1 января — 31 декабря 1935 г. М. : Политиздат, 1973. 718 с.

13. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939: в 2 т. Т. 2: Январь — август 1939 г. / ред. кол.: А. П. Бондаренко [и др.]. М. : Политиздат, 1981. 415 с.

14. Československá zahraniční politika v roce 1937: u 2 sv. / K vydání připravil Jindřich Dejmek. Praha : Ústav mezinárodníh vztáhů, 2007—2008. Svazek 1: (1. leden — 30. červen 1937). 2007. 627 s. (Dokumenty československé zahraniční politiky).

15. Československá zahraniční politika v roce 1937: u 2 sv. / K vydání připravil Jindřich Dejmek. Praha : Ústav mezinárodníh vztáhů, 2007—2008. Svazek 2: (1. srpen — 31. prosinec 1937). 2008. 656 s. (Dokumenty československé zahraniční politiky).

16. *Пушкаш, А. И.* Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 — сентябрь 1939 г. / А. И. Пушкаш. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2003. 460 с.

17. Документы внешней политики СССР. Т. XXI: 1 января — 31 декабря 1938 г. / ред. кол. Г. К. Деев [и др.]. М. : Политиздат, 1977. 792 с.

18. Новые документы по истории Мюнхена / ред. кол.: И. Н. Земсков [и др.]. М.: Госполитиздат, 1958. 160 с.

19. Československá zahraniční politika v roce 1938: u 2 sv. / K vydání připravil Jindřich Dejmek. Praha : Ústav mezinárodníh vztáhů, 2000—2001. Svazek 1: (1. leden — 30. červen 1938). 2000. 592 s. (Dokumenty československé zahraniční politiky).

20. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 9 т. М. : Наука, 1963—1983. Т. VI: 1933—1938 гг. / подгот. Э. Басиньский, С. Вроньский. 1969. 432 с.

21. Венгрия и Вторая мировая война: Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны / пер. с венг. Б. Я. Гейгера и А. Н. Сикачева. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 367 с.

22. Документы Министерства иностранных дел Германии: в 3 вып. М. : Госполитиздат, 1946. Вып. 1: Германская политика в Венгрии (1937—1942 гг.). 160 с.

23. Československá zahraniční politika v roce 1938: u 2 sv. / K vydání připravil Jindřich Dejmek. Praha : Ústav mezinárodníh vztáhů, 2000—2001. Svazek 2: (1. červenec — 5. říjen 1938). 2001. 672 s. (Dokumenty československé zahraniční politiky).

24. *Майский, Иван Михайлович.* Дневник дипломата. Лондон, 1943—1943 / Иван Михайлович Майский: в 2 кн. (Научное наследство; Т. 33: в 2 кн.). Кн. 1: 1934 — 3 сентября 1939. М. : Наука, 2006. 531 с.

25. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939 / В. Ф. Мальцев, Д. Спачил (редкол.) [и др.]. М. : Политиздат, 1979. 471 с.

26. Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923—1939. М. : РОССПЭН, 2001. 400 с.

27. «Tretia ríša» a vznik Slovenského štátu: u 3 sv. / Michal Schvarc, Martin Holák, David Schriffl (eds.). Bratislava : Ústav pamäti národa, 2008—2011. Dokumenti I. 2008. 627 s.

28. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939 гг.): Документы и материалы / А. А. Громыко (редкол.) [и др.]. М. : Политиздат, 1971. 736 с.

29. *Кретинин, С. В.* Судетские немцы: Народ без родины. 1918—1945 гг. / С. В. Кретинин. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 2000. 319 с.

30. Viedenská arbitráž — 2. november 1938: u 3 sv. / zostavil Ladislav Deák. Martin : Matica Slovenská, 2002—2005. Dokumenty I.: (20. september — 2. november 1938). 2002. 256 s.

31. *Krajčovič, M.* Medzinárodné súvislosti slovenskej otázky 1927/1936—1940/1944: mad'arské dokumenty v porovnani s dokumentmi v Bonne, Bukurešti, Viedni a Prahe / Milan Krajčovič. Bratislava : SAP, 2008. 439 s.

32. Год кризиса, 1938—1939: Документы и материалы: в 2 т. / А. П. Бондаренко (редкол.) [и др.]. М. : Политиздат, 1990. Т. 1: 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. 555 с.

33. *Hoensch, J. K.* Slovensko a hitlerova východná politika: Hlinkova slovenská l'udová strana medzi autonómiou a separatizmom 1938—1939 / Jörg K. Hoensch. Bratislava : Veda, 2001. 231 s.

34. *Пушкаш, А.* Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918—1945 / Андрей Пушкаш. М. : Европа, 2006. 564 с.

35. АВП РФ. Ф. 77. Оп. 14. П. 6. Д. 4 — Информационные письма советского полпредства в Будапеште.

36. *Поп, И. И.* Чехословацко-венгерские отношения (1935—1939) / И. И. Поп. М. : Наука, 1972. 247 с.

37. *Волков, В. К.* Мюнхенский сговор и Балканские страны / В. К. Волков. М. : Наука, 1978. 340 с.

38. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений: в 6 т. М. : Наука, 1973—1983. Т. III: июнь 1934 г. — март 1939 г. / подгот. Ч. Аморт, М. И. Копашева, А. И. Недорезов. 1978. 647 с.

39. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. Р-9401 («Особая папка В. М. Молотова» — Материалы Секретариата НКВД—МВД СССР за 1944—1956 гг.). Оп. 2. Д. 141 — Материалы за январь — февраль 1946 г.

40. «Tretia r ša» a vznik Slovenského štátu: u 3 sv. / Michal Schvarc, David Schriffl (eds.). Bratislava : Ústav pamäti národa, 2008—2011. Dokumenty II. 2010. 556 s.

41. Viedenská arbitráž — 2. november 1938: u 3 sv. / zostavil Ladislav Deák. Martin : Matica Slovenská, 2002—2005. Dokumenty II.: okupácia (2. november 1938 — 14. marec 1939). 2003. 304 s.

42. *Марьина, В. В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939—1945 гг.: в 2 кн. / В. В. Марьина. Кн. 1: 1939—1941. М. : Индрик, 2007. 448 с.

43. *Пеганов, А. О.* Чехо-словацко-венгерские переговоры в ноябре 1938 — марте 1939 г. о реализации Венского арбитражного решения / А. О. Пеганов // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 4. Минск: БГУ, 2009. С. 205—210.

44. *Чиано, Г.* Дневник фашиста, 1939—1943 / Галеаццо Чиано. М. : Плацъ, 2010. 672 с. (Первоисточники новейшей истории).

45. Документы внешней политики. 1939 г. Т. XXII: в 2 кн. / ред. кол. В. Г. Комплектов [и др.]. М. : Международные отношения, 1992. Кн. 1: 1 января — 31 августа 1939 г. 712 с.

46. *Hetényi, M.* Slovensko-mad'arské pomedzie v rokoh 1938—1945 / Martin Hetényi. Nitra : Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2008. 216 s.

47. Viedenská arbitráž — 2. november 1938: u 3 sv. / zostavil Ladislav Deák. Martin : Matica Slovenská, 2002—2005. Dokumenty III.: rokovania (3. november 1938 — 4. apr l 1939). 2005. 456 s.

48. *Семиряга, М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М. И. Семиряга. М. : РОССПЭН, 2000. 863 с.

РЕЗЮМЕ

Статья открывает цикл публикаций по истории словацко-венгерского национально-территориального конфликта, имевшего глубокие исторические корни. Его новая фаза наступила после версальского урегулирования. В межвоенный период она локализовалась на проблеме национальных меньшинств. Мюнхенское соглашение оказало глубокое воздействие на чехо-словацко-венгерские отношения. Первый Венский арбитраж 2 ноября 1938 г. решил проблему Южной Словакии в пользу Венгрии, которая получила 10,3 тыс. км кв. словацкой территории с населением более 850 тыс. чел., из которых 59 % являлись венграми.

SUMMARY

The article opens a series of publications on the history of Slovak-Hungarian ethnic and territorial conflict, which had deep historical roots. His new phase occurred after the Versailles settlement. In the interwar period, was localized on the problem of national minorities. The Munich Agreement had a profound impact on the Czecho-Slovak-Hungarian relations. The first Vienna Award November 2, 1938 decided the South Slovakia problem in favor of Hungary, which received 10 300 sq. km. Slovak territory with a population of more than 850 thousand people., of which 59% were Hungarians.

Статья поступила в редакцию 24 июня 2011 г.